

Ткачёв Валентин Никитович (Москва). Доктор архитектуры, профессор. Кафедра архитектуры Института архитектуры и градостроительства Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (129337, Москва, Ярославское шоссе, д. 26. ИАГ НИУ МГСУ). Эл. почта: valentintn@mail.ru. ORCID- 0000-0001-5434-6785.

Tkachev Valentin N. (Moscow). Doctor of Sciences in Architecture. Professor. The Department of Architecture of the Institute of Architecture and Urban-Planning of the Moscow State University of Civil Engineering, National Research University (129337, Moscow, Yaroslavskoe Shosse, 26 NRU MGSU). E-mail: valentintn@mail.ru. ORCID- 0000-0001-5434-6785

Аура обитаемого пространства

Аннотация. В стартовом понимании термин «аура» принимается для обозначения ореола, нимба вокруг объекта исследования, причём как в ортодоксальном смысле (эффект Кирлиана, радиоактивное свечение), так и в метафорическом. Термин стал востребован в анализах психофизических и нейрофизиологических процессов деятельности мозга при изучении синестезии – ассоциативной связи между мыслеформами, порождающими фантом психических явлений с удивительными, парадоксальными, эстетическими качествами.

Понятие «аура» стало счастливой находкой и терминологической базой для нейрopsихологов, изучающих орбиты и импульсы творческого мышления, ассоциативные цепи креативных операций, эмоциональные эффекты, возникающие при инсайте (озарении) как электрошок выхода из тупикового состояния профессионального мышления художника, композитора, архитектора, инженера.

И, несмотря на почти сакральные истоки появления, аура вполне плодотворна в ортодоксальной методологии реального созидания. Её креативной роли в архитектурном формообразовании посвящена эта статья.

Ключевые слова: аура, архитектурная символика, ассоциативное мышление, озарение, синестезия, ментальная индукция, психологический резонанс, ореол

Aura of Habitable Space

Abstract. In the initial understanding, the term "aura" is used to denote a halo, a halo around the object of study, both in the orthodox sense (Kirlian effect, radioactive glow) and metaphorically. The term has become in demand in the analysis of psychophysical and neurophysiological processes

of brain activity in the study of synesthesia — an associative connection between thought forms that generate a phantom of mental phenomena with amazing, paradoxical, aesthetic qualities.

The concept of "aura" has become a happy find and a terminological basis for neuropsychologists studying orbits and impulses of creative thinking, associative chains of creative operations, emotional effects arising from insight as an electric shock to get out of the dead-end state of professional thinking of an artist, composer, architect, engineer.

And, despite the almost sacred origins of the appearance, the aura is quite fruitful in the orthodox methodology of real creation. The article is devoted to her creative role in architectural shaping.

Keywords: aura, architectural symbolism, associative thinking, insight, synesthesia, mental induction, psychological resonance, halo

Введение

Как среда обитания архитектура всегда была объектом оценки – по физиологической и психологической комфортности. В первую очередь оценивались визуальные компоненты: вписанность в среду, нетривиальность композиции, степень эстетического очарования, эмоционального воздействия – не обязательно на высоких нотах резонанса сознания, воздействие должно обладать внутренней силой пафоса, духом места.

Флюиды шарма, вызываемого объектом, настигают не каждого наблюдателя. Чтобы вспыхнул эффект духовного озарения в сознании, должно возникнуть наваждение от ментального сопряжения наблюдаемого объекта (события, явления) с сохранившимся в памяти некогда случившимся

аналогичным событием. Это эффект дежавю, чаще всего моделирующий явление ауры, закреплённое в нейросетях сознания человека, обладающего высоким потенциалом сенситивности, ассоциативного мышления, даром синестезии [1].

Аура – продукт индивидуального движения души, как у человека, давно покинувшего родину и вновь оказавшегося в местах своей юности, о которой ему напомнил аромат цветущей в мае липы. Очная ставка совсем необязательна. Силой воображения поэт может создать импульс ауры неосознанно или намеренно: «и дым отечества нам сладок и приятен».

Даже изменившаяся за годы среда вызывает всплеск эмоций, а человеку совсем необязательно делиться аурическими впечатлениями с людьми, в сознание которых этот «дух места» не индуцируется.

Нормально, что обострённая чувствительность сенситивного посетителя картинной галереи может вызвать у него эмоциональный эффект и желание поделиться чувствами с окружающими. Т. Готье случайно обратил внимание на неприметный женский портрет работы Леонардо да Винчи и с восторгом описал свои впечатления. Портрет поместили в Лувр. Парижане «прозрели», и Мона Лиза стала самым популярным экспонатом музея. Её аура ещё возросла после того, как её украл служитель музея, итальянец, якобы из соображений патриотизма. Пресса была возбуждена, и с тех пор картину хранят как зеницу ока.

Скромные таллинские акварели А. Пилара (рис. 1) значительно усилили обаяние старого города.

Аурический экстаз может вызвать не только неординарное произведение искусства.

Американский поэт конца XIX века У. Уитмэн был очарован мощью индустрии:

«О, мы построим здание
Пышнее всех египетских гробниц,
Прекраснее храмов Эллады и Рима.
Твою мы построим церковь, о пресвятая индустрия...
Я вижу её, как во сне, наяву,
Даже сейчас, когда я пою эту песню...» [2].

Рис. 1. Старый Таллинн в акварелях А.Пилара. Фото В.Н. Ткачёва

Не надо обладать повышенной сенсорикой, чтобы наделять аурой действительно могучий символ индустриальной эпохи конца XIX – начала XX века. Даже советские облигации государственных займов этого времени были украшены домнами и несущимися в светлое будущее локомотивами!

Удивительную ауру благодати вызывает присутствие в замкнутом стенами буддийском монастыре. В его сакральном пространстве повисла тишина, обозначенная лёгким перезвоном колокольчиков на углах крыш храмов и наркотическим ароматом тлеющих кедровых опилок в чугунных курильницах. Эта аура квалифицированно поддерживается грамотными приёмами непосредственного воздействия на сознание посетителя.

Более прямолинейными, претенциозными усилиями охраняется аура ангажированных объектов искусства авторов, оседлавших идеологию радикальных перемен жизни, насаждавших свои тщеславные программы. Адорация творений В. Малевича, подкреплённых напыщенным манифестом супрематизма, странная спиральная башня III Интернационала В. Татлина имеют квазиауру, натужно поддерживаемую искусствоведением, исповедующим миф о «России – родине слонов» [3]. А Эйфелева башня, возведённая наперекор сопротивлению парижских снобов, стала символом Парижа и обладает аурой до сих пор. У Одессы свои слагаемые ауры.

Сообщество художников начала прошлого века навязывало свои понятия прекрасного, точнее, свои нормы жизни. В. Кандинский, например, называл великим колористом А. Матисса. Но подлинную известность Матиссу обеспечил русский меценат С. Щукин, скупивший оптом большинство его картин, он привёз их в Москву, озадачив московских любителей прекрасного французским импрессионизмом. К слову сказать, в это же время русская художественная школа реализма избежала зомбирования авангардным искусством западной Европы.

Произведения искусства, цементирующие историю и являющиеся символами связи времён, устойчивости жизни, недопустимо лишать сложившегося веками образа, стирать патину старины. Первое покушение на ауру собора Парижской богоматери предприняли в конце прошлого века, подвергнув фасад пескоструйной очистке. Фасад, конечно, обновился, пожелтел и утратил величественную строгость (пусть даже мрачность!) средневековья.

Вторая попытка лишить собор ауры предпринимается сегодня. По предложению М. Кюло обгоревший собор предполагалось включить в систему коммерческих рекреационных заведений Парижа – раз уж обновляем, так чего зря ему стоять!

С точки зрения утраты ауры не выдерживает критики длительный антракт с разработкой концепции освобождённого от руин гостиницы «Россия» Зарядья. Не анализируя градостроительное решение, которое уже случилось, полагаем, что лучшим вариантом освоения площади в центре столицы было бы устройство берёзового парка без всяких

коммерческих объектов. В Москве так не хватает простого зелёного пространства! (рис. 2). Нужна разрядка каменного города. Русский лес вернул бы ауру центру и всей столице.

Негативную ауру (как епитимью) традиционно накладывают на глухие леса, болота, таинственные пещеры, устрашающая популярность которых (помните, с каким упоением читали в детстве жуткие сказки?) местным населением поддерживается высоким уровнем патологического интереса, туристам подбрасывают какой-нибудь окровавленный «артефакт» или когтистую лапу снежного человека. Аборигены хотят извлечь из мистики реальную выгоду.

Никто не решается развенчать миф о схождении священного огня в иерусалимском храме Гроба Господня. Верующим, да и просто любопытным нужна эта аура, как и интригующая воображение Туринская плащаница.

Если вам покажут руины иерихонского храма, якобы разрушенного звуками трубы, не спешите выяснять истину у экскурсовода. Святая ложь заложена в историю, как и руины

Вавилонской башни, страна Шамбала, земля Санникова – и существование более достоверных реликвий мира вроде семи чудес света подтверждается если не натурным наблюдением античных историков (Плиния, Геродота), то перекрёстной информацией из многих источников. По И. Канту это – метафизика доверия [4].

С древнейших времён учёные и философы античности практиковали путешествия по ближним и дальним странам, собирая информацию, сведения по медицине, мастерству факиров Магриба. ореол тайны окружал египетских жрецов, от которых греки получили, например, сведения об Атлантиде [5].

И на местах не чурались поддержки романтического духа своей среды: городской стены, где кого-то когда-то замуровали, собора с шепчущимися колоннами, тюремной камеры со скелетом, закованным в ржавые цепи. Кроме таких пугал, существует аура старинных кварталов городов: Тбилиси, Кведлинбурга, Вернигероде с очаровательной миниатюрной ратушей, дремотного Суздаля... (рис. 3, 4, 5).

Рис. 2. Москва, Зарядье после реконструкции (источник: <https://i.archi.ru/i/267175.jpg>)

Рис. 3. Старые кварталы Тбилиси (источник: <https://adijupalace.ru/800/600/https://www.aerotur.travel/assets/galleries/1909/161151566.jpg>)

Рис. 4. Ратуша в Вернигероде. Германия (источник: <https://img5.goodfon.ru/wallpaper/nbig/b/ff/wernigerode-sachsen-anhalt-germany-vernigerode-saksoniia-ank.jpg>)

Рис. 5. Кремль Суздаля (источник: https://s0.rbk.ru/v6_top_pics/media/img/7/46/756487452869467.jpg)

Визитной карточкой Пскова является Плоская башня при слиянии рек Псковы и Великой. Если бы эту башню не реставрировали, аура Пскова потеряла бы свой главный образ (рис. 6).

Одним из последних современных направлений в познании сущности архитектуры (после массивного штурма на проблемы композиции, ритма, пропорций, социальных ракурсов средообразования и пр. – в XX веке) стали нейропсихологические аспекты создания и восприятия архитектуры с включением аппарата синестезии, ассоциативного мышления, трансцендентального тестирования архитектурного морфогенеза.

Аура – один из компонентов эмоционального восприятия архитектуры, возникающий спонтанно, не требующий детального анализа, – от неосторожного движения аура может растаять, как мираж. Подходящая случаю притча описана И. Кантом в рассказе о приёме, устроенном богатым вельможей, во время которого гости были очарованы трелями соловья в саду. Когда хозяин признался, что это его молодой слуга искусно подражал свисту соловья, наваждение ауры исчезло.

Рис. 6. Кром – визитная карточка Пскова (источник: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/4/41/Вид_на_псковский_Кром_со_стороны_стен_Окольного_города.jpg/1117px-Вид_на_псковский_Кром_со_стороны_стен_Окольного_города.jpg)

Рис. 7. Город безмятежного будущего (источник: <https://propertinterest.com/wp-content/uploads/2021/05/ekologichnyj-gorod-2.jpg>)

По закону исторической ротации, сложившаяся архитектура как некая средовая целостность, обладающая для её жителей духом места, постепенно уступает новостройкам; целесообразность и ортодоксальность их множественности, образной тиражированности не дают повода для романтической сказки об индустриальном сияющем городе Б. Таута. Напротив, расширяется поток футуристических ярких картин города будущего (рис. 7). Хотя позитивная парадигма нового эстетического видения еще не сложилась, осталась старая – цветущие райские сады.

Аура в архитектуре сегодня – архетипический признак утрачиваемой культуры экстрасенсорики в её прошлых реалиях, уже неактуальных для сознания практичных, целеустремленных людей, не склонных к лирике и созерцанию античных драм в традиционных театрах.

Возможно, в недалёком будущем (жизнь развивается стремительно) в мире ортодоксальной (цифровой, вероятно?) цивилизации вновь потребуется как компенсация жёстких будней регламентированного мира психологическая релаксация в виде возрождения потенциала эмоциональных порывов души, обозначенных свечением ауры, уже не метафорическим, а настоящим ореолом.

Конечно, самым феноменальным явлением мировой культуры стала религия, вписанная в разветвлённую систему реального и виртуального мира: мифы, иерархия божественных персонажей с жизнеописаниями, продуманными литургиями – всё основано и отрежиссировано на простейших взаимодействиях предметов и явлений, которым придавался статус ауры почти языческого толка.

Религия, освоившая приёмы управления самыми глубинными уровнями человеческой души, приобрела и поддерживает свою ауру непреодолимыми средствами психологического воздействия на сознание адептов каждой конфессии. На это ориентирована вся система средств культуры, главным образом сферы искусства; это в том числе архитектура культовых зданий, образ и структура которых внушает посетителю, что он находится в Доме Господнем, это правдоподобные описания «жития» святых и их подвигов на картинах и в скульптуре известных художников (рис. 8). Религия освятила жизнь и существует по сей день как смысловая ось цивилизации. Её аура проецируется на всю окружающую среду.

Попытки её развенчания только способствовали обновлению и переналадке механизмов адаптации к заметно возросшему интеллектуальному уровню населения.

Расщепление христианской церкви на ветви православия, католицизма и протестантизма с локальными мутациями, ислама на противостоящие друг другу ветви суннитов и шиитов не обошлись без структурных модификаций, но ауру единого источника оберегают все конфессии.

Истоки всех религий едины, просто локализуются мифы и персоналии, литургические процедуры, то есть существует общий генетический знаменатель. Что из этого следует? Возможно то, что это обстоятельство аргументирует идею

всеобщей экуменизации всех конфессий, как предполагали мусульманин Бахаи и христианин Д. Андреев [6].

История человечества напоминает, к сожалению, что такие идеи смогут реализоваться только в условиях полного обновления цивилизации после краха существующего мира, когда придёт осознание нанесённого планете вреда и нужно будет искать новые формы человеческих контактов и объединяющей религии. Однако полезным уроком мифов о неудаче строителей Вавилонской башни и амбициозных обитателей Атлантиды ещё никто не воспользовался.

Анатомия ауры

Информационная неполноценность ортодоксальных исследований причинно-следственных связей материального мира привела к необходимости установить влияние человеческого сознания на модель взаимодействия «субъект–объект» в сфере явлений синестезии, открывающей новые горизонты психологического акцентирования тех итогов человеческой деятельности, которые требуют максимальной выразительности, яркой эмоциональной окраски. Это в основном сфера искусства: музыка, театр, живопись, архитектура, скульптура...

Пример для иллюстрации: М.П. Мусоргский работает над музыкой оперы «Хованщина». В его воображении: морозное

Рис. 8. Сохранившиеся фрески Преображенского собора Новоспасского монастыря. Москва. Фото В.Н. Ткачёва.

утро Москвы, занимается алая заря, город оживает, гудят колокола, звучит победный гимн Солнца. Спектакль – синестезия воображаемой картины утра и нарастающего форте музыки – производит ошеломляющий эффект на зрителей. (Некогда этим эффектом хотел воспользоваться композитор А.Н. Скрябин в замысле «цветомузыки».)

Рождается аура не только увертюры; она оплодотворяет всё гениальное произведение синтеза зрительного образа и музыки, сохраняясь в памяти навсегда. Это наиболее патетический образец трансляции ауры в медиапространство.

Конечно, есть и менее экзотичные, но всё же отражающие электроимпульсы души озарения, ассоциативные связи мыслеобразов, инициирующих всплеск ауры.

Синестезия как общая формула действия (1), ассоциативное мышление как рабочий инструмент (2) и аура – как финальное торжественное восклицание (3). Это три кита

Рис. 9. Феерия северного сияния (источник: https://gotonature.ru/uploads/posts/2018-01/1516541929_sevsiyanie-v-kanade.jpg)

Рис. 10. Каменные блоки для стереобата Большого храма в Баальбеке (источник: <https://hiddenincatours.com/wp-content/uploads/2015/09/p9451-youtube-thumbnail.jpg>)

системы сознания sensitивно одарённого индивидуума. Однако обратите внимание: «Эврика!» Архимеда – это не знак ауры, это признак удачного эксперимента.

Зрительными образами или вербализацией чувства ауры можно поделиться, и она становится достоянием общества.

Комбинаций синестезического опыта существует огромное множество, и для ауры как общего признака трудно найти универсальную и адекватную каждому отдельному случаю характеристику. Это отмечают исследователи, рискнувшие поискать философский камень этого феномена культуры, так неожиданно заявившего о своём значении:

«Феномен ауры имеет неопределённое значение и используется скорее как метафора, чем как научное понятие, (он) не получил чёткой научной концептуализации» [7].

Чтобы сократить круг проблем, будем ориентироваться в основном на архитектурную тематику аурического воз-

действия, тем более если аура, скажем, в изобразительном искусстве есть просто средство создания бескорыстного интереса, наслаждения увиденным, то в архитектуре аура играет креативную роль, управляя поиском лучшего решения.

Составляющие триады деятельности человеческого сознания: «синестезия – ассоциации – аура», представляют вместе эманацию духовного состояния человека, оценивающего на эмоциональных регистрах явления мира. Именно духовного состояния, а не просто позитивной реакции. Как писал русский философ Н.А. Бердяев, дух есть иное, высшее качество существования, чем существование душевное и телесное. Положительная рефлексия при этом, результируя связи с другими психическими явлениями, может оцениваться как позитивное качество объекта, не «дотягивающегося» до эмоционального взрыва масштаба ауры.

Идея Динократа предложить свои услуги Александру Македонскому (известная притча Витрувия [8]) превратить некую гору в скульптуру великана, держащего в своих руках город, выглядела соблазнительной для имперского сознания молодого царя, но только в качестве зародыша дерзновенного замысла. Как и удивление красотой цветка, вызвавшее мимесис архитектурного орнамента.

Для рождения ауры необходим более высокий потенциал духовного заряда, зависящий как от новизны самого явления внешней предпосылки, так и от уровня интеллектуальной подготовки субъекта-наблюдателя, обладающего экстрасенсорной способностью импульсивного резонанса, тренированностью нейронных ассоциаций, отличающих разум гения от сумеречного сознания человека пониженной чувствительности (хотя и для последнего существуют свои поражающие воображение явления).

Турист будет восхищён впервые увиденным северным сиянием, в то время как местный житель снисходительно оценит наиболее яркие сполохи (рис. 9). Хорошо, что есть энтузиасты запечатлеть это чудо и донести его до сведения других в живописи и фотографиях.

Трудно сказать, какие мотивы двигали сознанием властелинов древности и раннего средневековья, сумевших реализовать свои надтривиальные амбициозные замыслы с тем, чтобы по шкале грандиозности приблизиться к божественным масштабам самоувечивания. Это и повсеместные пирамиды (наиболее убедительные по брутальности), семь чудес света, отдельные эксперименты гигантомании вроде Баальбека (для его аурического эффекта достаточно даже не супермасштаба сооружений, а представления о том, как доставляли на место громадные плиты стереобата Большого храма – рисунок 10), мавзолея Теодориха, накрытого цельной плитой-куполом весом 300 тонн (рис. 11). А с чем можно сравнить театральный эффект неожиданного зрелища краснопесчаных храмов Петры (рис. 12)? Добавим немислимые по трудозатратам, но совершенные по архитектурному решению глиняные города Йемена, вырубленные в скалах поминальные храмы Рамзеса II в Абу-Симбеле (не менее поразителен их перенос выше для

Рис. 11. Мавзолей Теодориха. Равенна (источник: <https://esplaivatges.com/wp-content/uploads/2017/11/mausoleo-di-Teodorico-Ravenna.jpg>)

Рис. 12. Ансамбль мемориалов, вырубленных в красном песчанике. Петра, Иордания (источник: <https://exoticluxurycat.ru/wp-content/uploads/c/d/b/cdb59947897ca90a9fa74e64736ccd18.jpeg>)

спасения от затопления водами Асуанского моря), пещерные храмы Эллары и Аджанты в Индии, подземные храмы Лалибелы, комплекс Луньмэнь в Китае, скальные церкви Армении.

По сравнению с ними проблемы соревнования по высоте американских небоскрёбов выглядят анекдотичными, что заставило автора каталога по современным высотным зданиям – М. Вэллса, дипломатично умалчивать об их высоте [9].

При всей сакральности, эфемерности понятия ауры, ей как явлению, характеризующему материальные объекты, присущи признаки ортодоксально существующего феномена, экзистенциальные свойства которого генерируют ауру в диапазоне диалектических пар:

индивидуальные – социально значимые,
слабого – сильного потенциала,
позитивные – негативные, неопределённые,
физические – ментальные,
предметные – событийные,
абстрактные – креативные,
осознаваемые – инстинктивные,
внутренние – внешние.

В области архитектуры появление ауры провоцируют феномены:

нетривиальная образность, композиционные особенности,
эксперименты антигравитации,
фантомы дематериализации,
невоспринимаемая масштабность,
нарушение ортогональности, «текущие» формы и т.п.

Катализаторы, стимулирующие активизацию процесса возбуждения ауры:

пассионарность,
утопичный морфогенез,
экстрасенсорный дар субъекта-наблюдателя,
уровень эмоциональных импульсов, инсайт.

Аура может возбуждаться как симультанный (синхронный) эффект или как результат последовательного процесса построения ассоциативных цепей при разработке наиболее эффективного проектного решения, начало которому положено спонтанной клаузурой.

Этапы нарастания возбуждения, восхождения к конкретной цели творчества через ощущение – восприятие – представление, от которых выстраивается шкала нарастания потенциала «электризации» возбуждения: символ цели – вдохновение – синтез эмоций – возбуждение инсайта – патетика – энтузиазм – творческий экстаз – фантом ауры.

Сильная и долгосрочная аура, спроецированная на объект интереса возбуждённым сознанием, эквивалентна потенциалу синестезии неординарного физического или ментального явления и «автора» аурического феномена.

Слабый потенциал нейронной активности результирует ассоциативную связку цепочки видимых (воображаемых) явлений, где грань между сильным и слабым потенциалами определяет случай.

Яркие некогда ауры с течением времени заслоняются другими объектами интереса, растворяются в житейском менталитете и угасают. Чудеса света из античности уже не тревожат воображение и просто воспринимаются как знаковые события истории, её вехи.

Но попытки потревожить памятники неожиданно вызывают протест, нередко запоздалый. Появление под горой Пиргос деконструктивистского музея по проекту Б. Чуми расценивается как оскорбление священных руин Акрополя [10]. Успенскую церковь над озером в Кондопоге, сожжённую неврастеником-подростком, собираются восстановить, несмотря на устойчивые предубеждения против новоделов. Снова возникает этическая проблема продления жизни угасающим памятникам. Дерево в сооружении живёт 300 лет – столько уже стоит Преображенская церковь в Кижях. Любые её ремонты, подновления будут выглядеть как заплатки, как залеченные раны. И это судьба каждого сохранившегося деревянного храма Русского севера?

Мы уже неоднократно обращали внимание на то, что в сохранении деревянной архитектуры важна не адекватность материала, а архитектурный код, тектоническая формула, по которой традиционно обновляли сгоревший или сгнивший храм. Через пять-десять лет серебристая патина строения возвращала ему былую ауру.

Аура закрепляет значимость исторических мест в канве последовательности событий страны. Чаще всего её локация координируется военными событиями: битвами на Чудском озере, на Куликовом поле, у Бородина, под Лейпцигом, Грюневальдом... Или связывается с ритуальными объектами: святилищами у гор Олимп или Кайлас, священными камнями Каабы, Синь-камня в Переславле-Залесском, Договорного камня на Соловецком острове.

Кроме наличия исторической легенды архитектурный объект может инспирировать эмпатию самим своим видом, на который резонирует информационно подготовленный зритель, добавляя в своём воображении необходимые черты

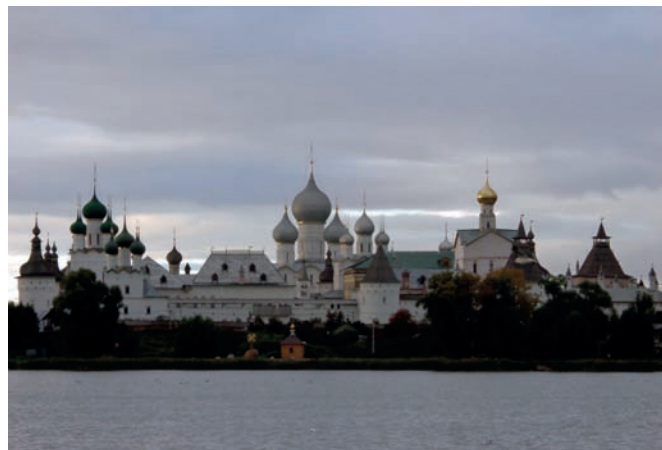

Рис. 13. Ростов-Великий. Так мог выглядеть град Китеж. Фото В.Н. Ткачева. 2016 год

образа – скажем, града Китежа при виде Ростова-Великого с озера туманным утром; туман нужно вообразить (рис. 13).

Аура итальянского барокко возникла с ощущением необходимости раскрытия пространства в городе, возбуждённой художниками Венеции (Каналетто, Гварди...), поддержанной Пиранези, Гонзага...

Наличие горы – необходимая составляющая ауры городов Неаполя, Монте-Карло, тибетской Поталы; тяготят города и к другим ландшафтным феноменам, невзирая на угрозы затопления и извержения.

Аура многих градообразований, значительных сооружений сотворена по религиозным мотивам. Крупные церкви эпохи итальянского Возрождения (и Руси) строились по обету во время чумы. Голгофа почитается как место распятия Христа, собор Св. Петра в Риме на месте казни апостола, собора Св. Павла – в Лондоне.

Негативная аура почитается не меньше – Брестская крепость, замок Дракулы, перевал Дятлова... Удивление вызывает грандиозный конный памятник Чингисхану, возникший на волне национальной самоидентификации, своеобразной пассионарности Монголии конца XX века (рис. 14).

Если понятие ауры применительно к целому городу достаточно абстрактно описано патриотической символикой, то городские ансамбли – явление вполне конкретное, заслуживающее внимательного рассмотрения как объекты государственного триумфа. В 20-е годы прошлого века возникла идея осовременить Москву, сохранив при этом её исторический облик одноэтажного города с выделяющимися из застройки церквями. Эта мысль предьявлялась как бережное отношение к истории, оказавшееся тем не менее несовместимым со столичным статусом города. В процессе реконструкции Москва приобрела вид современной столицы с естественным градостроительным центром – Кремлём. Средневековая аура была закреплена.

Попытки дальнейшего амбициозного осовременивания: возвести дворцы труда, Дворец Советов, многоэтажные

развёрнутые на больших территориях административные здания, точечные акценты – здание Наркомтяжпрома, например – резко контрастировали с уже вполне нивелированной застройкой по масштабу и, к счастью, не осуществились. Хотя идея возведения высотных зданий вдоль Садового кольца с Дворцом советов в центре придала бы градостроительной структуре Москвы более выразительную символику.

Зато потом удалась попытка возведения гостиницы «Россия»; чем все завершилось, описано выше...

XXI век принёс эффект дезорганизации сложившейся структуры города. Не только в Москве это стало явным, где последними организованными городскими ансамблями стали Новый Арбат, некоторые площади. Мрачный кластер Сити не в счёт. Табу на новостройки в Париже и Лондоне были преодолены: арка Дефанса быстро обросла лесом небоскрёбов (рис. 15), как и штаб-квартира компании «Swiss RE» в Лондоне; нейтральный серый колорит парижской жилой застройки был нарушен весёлыми цветными вставками. Петербург долгое время был недостижим для энтузиастов строительства небоскрёбов. Но свершилось. Для активно развивающихся городов-магнитов уплотнение внутрь и рост в высоту – это нормально. Смена капитальной застройки при современных темпах строительства идёт быстро, и очень скоро аура старинных городов уступит место новой визуальной парадигме, хотя впечатлительным архитекторам этот процесс покажется болезненным. Давно уже стало понятно, что архитектурный морфогенез – перманентное явление, не зависящее от воли человека. Остаётся психологическая адаптация к свершающимся событиям перелицовки городской среды, и «тормозит» изменения хотя бы сохранением ореола знаковых мест, образуя на подступах к ним зоны защитного пояса, где исключены из сферы обзора ландшафтные признаки модернизации. Ибо видеть отреставрированную церковь XVII века, «отечески» окружённую стеной высотных зданий, – это злая насмешка. Не все ещё потеряно в Питере и Пскове, где аура старой архитектуры местами ещё удерживается. А что с малыми

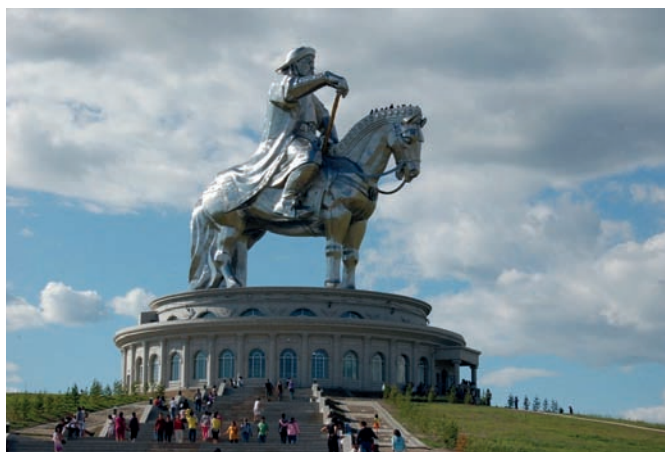

Рис. 14. Памятник Чингисхану близ Улан-Батора. Монголия (источник: http://www.poleteli.ru/uploads/posts/2016-06/1465329672_7967_mongolika-2016.jpg)

Рис. 15. Современный вид арки Дефанс в Париже (источник: <http://travelermap.ru/wp-content/uploads/2014/11/parisladefense1280x960dsc03278.jpg>)

русскими городами: справедливо ли будет кодировать их сонное существование во имя турбизнеса?

Заметным событием в развитии архитектуры советской России было обсуждение направлений стилизации московских улиц в процессе реконструкции 1935 года.

Наиболее здравыми по сегодняшним представлениям оказались соображения о нейтральной образности улиц. Л.А. Ильин писал: «Чрезвычайная пестрота форм, вызываемая капризом тщеславия, конкуренцией, губит физиономию современной улицы в городе ... Работа над ансамблем требует добровольного подавления художественного эгоизма отдельного автора в пользу общей, коллективной выразительности» [11].

А.В. Щусев также полагал, что город должен быть сформирован ансамблями, окружёнными зелёными зонами. Случайные сооружения необходимо сносить, сохраняя при этом памятники старины, подчёркивающие исторические связи [12]. Подключился к дискуссии и А.К. Буров: «Однообразные удобства лучше разнообразных неудобств, а более или менее однообразная красота лучше разнообразного уродства» [12]. Так подсознательно вызревали коллективные представления о будущей ауре столицы.

Аура исходит на новые произведения архитектуры как следствие непосредственной эмпатии и как идеологически предписанная (искусственно наведённая), обладающая потенциалом разной эстетической «мощности» по индивидуальному или коллективному психическому воздействию на сенсорику.

Появление в прошлом нового сооружения, само возведение которого уже вызывало интригу и ожидание обывателей, было событием, обсуждаемым в разных ракурсах, и если оно представало неожиданно в конце концов ключевым объектом, аура была ему обеспечена. Такой логичной неожиданностью оказалась удачная надстройка здания Моссовета после войны.

В современной московской архитектуре обнаружилась тенденция к утрате сложившейся исторически идентичности города. Индустриальность и монотонность застройки вряд ли сможет оказаться эстетическим пульсаром, ассоциированным с аурой. Адаптационным средством повышения выразительности городского пространства могут стать нетиповые ландшафтные анклавы в жилых группах. Архитекторам хорошо известны эти средства; важно, чтобы городские власти не осознавали их привлечение как прихоть, не заслуживающую финансирования. Таким образом, фокус эстетического восприятия среды обитания, ощущения её ауры, переместился с образа фасадов, любовно детализированных в середине XX столетия, и неосуществлённых осевых ансамблей, на изолированные острова застройки, вызывающие пафос «духа места».

Начало здесь положено самосегрегацией отдельных социальных общностей на основе этнического или экономического обособления – в виде жилых кластеров; их урок может быть полезным.

Заключение

Осталось ощущение чего-то недосказанного. Возможно, прогнозов на будущее.

В книге – каталоге знаковых архитектурных сооружений конца XX – начала XXI века «Современная архитектура в деталях. Как такое могли построить» [13] её автор Дж. Зуковски тактично уклоняется от оценки произведений, но обращает внимание на источник их художественной образности в альянсе заказчика и архитектора, стремившихся удержаться на высоте в условиях жёсткой конкуренции общества потребления. Речь, конечно, не о тривиальной архитектуре общегородской застройки, а о знаковых сооружениях, свидетельствующих о сближении архитектуры с изобразительным искусством, в данном случае, скорее, со скульптурой или явлениями пластического артефакта. Как скоро исчерпаются образные ресурсы этой архитектуры? Наверное, когда отпадёт необходимость иллюстрировать экономическую состоятельность заказчиков. Тем не менее в профессиональной среде смена эстетической парадигмы архитектуры уже намечалась. Это может быть несколько вызывающий рывок в сторону жёсткой целесообразности образа, преобладания хай-тека, к которому нужно привыкнуть. Стало заметно, насколько сухими и «логарифмичными» стали силуэты новостроек.

Тонкая настроенность на духовные регистры сознания, чутко реагирующего на внешние воздействия (и накопления внутренней настороженности) позволяет считать ауру барометром социальной жизни, опосредованно регулирующим общественные процессы, предустановленные историческими сигналами «выпуска пара».

Накопление потенциалов разрядки привели к Первой мировой войне; нагнетание вокруг знака свастики арийской идеологии, концентрация на этом фоне сложной структуры фашизма, орнаментированного специальной символикой, привели человечество к страшной по нравственному падению немцев войне. В СССР аура строительства светлого будущего собирала под свои знамёна комсомольцев-добровольцев, а песня «Вставай, страна огромная» с первых дней войны стала гимном защитников Отечества.

Рождённые пассионарностью идеи без промедления индустрируются в общественное сознание, реализуются в формах материального мира, в том числе и в архитектуре.

Список иллюстраций

1. Галеев, Б.М. Что такое синестезия: мифы и реальность / Б.М.Галеев. – Текст: электронный. – URL: http://synesthesia.prometheus.kai.ru/mif_r.htm (дата обращения 9.09.2022).
2. Тасалов, В.И. Очерк эстетических идей архитектуры капиталистического общества / В.И.Тасалов. – Текст: непосредственный. – М. : Наука, 1979. – 335 с.
3. Малевич, К. О новых системах в искусстве / К.Малевич. – Текст: непосредственный. – Рукопись, 1919. – 32 с.
4. Кант, И. Метафизические начала естествознания : Сочинения в 6 томах. Том 6. / И. Кант. – Текст: непосредственный. – М. : Мысль, 1966. – С. 54–176.

5. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика / А.Ф.Лосев. – Текст: непосредственный. – М. : Высшая школа, 1963. – 583 с.

6. Андреев, Д. Роза мира / Даниил Андреев. – Текст: непосредственный. – М. : Клышников-Комаров и Ко, 1993. – 303 с.

7. Суворов, Н.Н. Аура вещи в утверждении культурного пространства / Н.Н. Суворов. – Текст: непосредственный // Вестник СПбГИК – 2018. – №3 (36) – С. 62–67.

8. Витрувий, М.П. Об архитектуре / М.П. Витрувий. – Текст: непосредственный – Л. : ОГИЗ, 1936. – 342 с.

9. Wells, M. Skyscrapers. Structure and design / M.Wells. – Текст: непосредственный. – China : Laurence King Publishing. – 192 p.

10. Айзенман, П. Суперкритика / П.Айзенман, Р. Колхас. – Текст: непосредственный. – М. : Strelka Press, 2017. – 218 с.

11. Ильин, Л.А. Мастера советской архитектуры об архитектуре. Т.1. / Л.А.Ильин. – Текст: непосредственный – М. : Искусство, 1975. – 544 с.

12. Щусев, А.В. Современные проблемы формирования городской среды / А.В. Щусев. – Текст: непосредственный // Сборник материалов Всесоюзной научной конференции ВНИИТАГ и СА СССР. Ч. II. – Суздаль, 1989. – 151 с.

13. Зуковски, Дж. Современная архитектура в деталях / Дж. Зуковски. – Текст: непосредственный – М. : МАГМА, 2015. – 224 с.

References

1. Galeev B.M. Chto takoe sinesteziya: mify i real'nost' [What is synesthesia: myths and reality]. / B.M. Galeev. – Текст: elektronnyi. – URL: http://synesthesia.prometheus.kai.ru/mif_r.htm (Accessed 09/9/2022). (In Russ.)

2. Tasalov V.I. Ocherk esteticheskikh idei arkhitektury kapitalisticheskogo obshchestva [Essay on the aesthetic ideas

of the architecture of a capitalist society]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 335 p. (In Russ.)

3. Malevich K. O novykh sistemakh v iskusstve [About new systems in art]. Manuscript, 1919, 32 p. (In Russ.)

4. Kant I. Metafizicheskie nachala estestvoznaniya [Metaphysical principles of natural science], Essays in 6 volumes. Vol. 6. Moscow, Mysl', 1966, pp. 54–176. (In Russ.)

5. Losev A.F. Istoriya antichnoi estetiki. Rannaya klassika [History of Ancient Aesthetics. Early Classic]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1963, 583 p. (In Russ.)

6. Andreev D. Roza mira [Rose of the world]. Moscow, Klyshnikov-Komarov i Ko Publ., 1993, 303 p. (In Russ.)

7. Suvorov N.N. Aura veshchi v utverzhdenii kul'turnogo prostranstva [Stuff Aura in Approving Cultural Space]. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Vestnik of Saint Petersburg state university of culture], 2018, no. 3 (36), pp. 62–67. (In Russ., abstr. in Engl.)

8. Vitruvii M.P. Ob arkhitekture / M.P. Vitruvii. – Текст: neposredstvennyi – L. : OGIЗ, 1936. – 342 s. (In Russ.)

9. Wells M. Skyscrapers. Structure and design / M.Wells. – Текст: neposredstvennyi. – China : Laurence King Publishing. – 192 r. (In Engl.)

10. Aizenman P. Superkritika / P.Aizenman, R. Kolkhas. – Текст: neposredstvennyi. – М. : Strelka Press, 2017. – 218 s. (In Russ.)

11. Il'in L.A. Mastera sovetskoi arkhitektury ob arkhitekture. T.1. / L.A.Il'in. – Текст: neposredstvennyi – М. : Iskustvo, 1975. – 544 s. (In Russ.)

12. Shchusev A.V. Sovremennye problemy formirovaniya gorodskoi sredy / A.V.Shchusev. – Текст: neposredstvennyi // Materialy Vsesoyuznoi nauchnoi konferentsii VNIITAG. Ch. II. Suzdal'. – Vykhdannye. 1989. – 151 s. (In Russ.)

13. Zukovski Dzh. Sovremennaya arkhitektura v detalyakh / Dzh. Zukovski. – Текст: neposredstvennyi – М. : МАГМА, 2015. – 224 s.